

МОГИЛЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ,
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Газета общественная и литературная.

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Самое же 3 руб. по 5 к. на каждый разъ и каждому строку текста въ столбцѣ, а на объявленія по разѣмъ платятъ удвоенно.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 1) На газету «Могилевскія Губернскія Вѣдомости» издаваніе второе» одна 4 рубля въ годъ (для сельскихъ обществъ, начальныхъ сельскихъ училищъ и духовенства 3 руб.), на полгода 2 руб. (для сельскихъ обществъ, начальныхъ сельскихъ училищъ и духовенства 1 р. 50 к.) въ три мѣсяца 1 р. 50 к.

2) На оффиціальное издаваніе «Могилевскія Губернскія Вѣдомости» (1 разъ въ недѣлю) 3 рубля въ годъ.

3) На оба издаванія выстъ 6 руб., на полгода 3 руб., на три мѣсяца 2 р.

4) На оба издаванія выстъ 6 руб., на полгода 3 руб., на три мѣсяца 2 р.

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Государственный банкъ объявляетъ, что казначействамъ тѣхъ городовъ, гдѣ нѣтъ учрежденій государственнаго банка, разрѣшено принимать на храненіе 5% облигаціи внутренняго займа 1905 г., а впредь до изготовленія подлинныхъ облигаціи временныя на нихъ свидѣтельства.

№ 141

1—1

РЕДАКЦІЯ МОГИЛЕВСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

приглашаетъ торговые и промышленныя заведенія иногороднія и Могилевскія губерніи печатать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ свои объявленія о фирмахъ, присовокупляя, что Вѣдомости въ настоящее время выпускаются въ количествѣ 3000 экземпляровъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПРОДАЖА

ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

АГЕНТСКИХЪ ТЕЛЕГРАММЪ

съ 8 часовъ утра до 9 ч. веч.

въ конторѣ Могилевской Губернской Типографіи
(губернаторская площадь).

Губ. гор. Могилевъ

рядомъ съ женскою гимназіею

ПЕЧЕВУМАЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

М. Ш. ДЕ-НОТКИНА

предлагаетъ почтенной публикѣ губ. гор. Могилевъ въ удобномъ полнѣмъ выборѣ всевозможныхъ сортовъ бумаги, писемныхъ и канцелярскихъ принадлежностей.

Г.г. лавочники и по оптовой цѣнѣ, и въ розницу. При магазинѣ приемъ посылки на все газеты и журналы по цѣнамъ редакцій, при чемъ въ комиссію въ переводку денегъ не принимается.

№ 144.

100—48

СОДЕРЖАНІЕ.

Дѣйствія правительства.—Крошка-герой.

Ка войнѣ.—Мѣстный отъѣздъ.—На что иногда угодитъ общественнымъ дѣламъ П. Ш.—и о.—Ужасная молва. О. П. Е. и о.—Письма въ редакцію. А. М. В. и о.—Писемъ П. И. и Т. Т.—и П. И. М. Дьякова и IV А. Масюкова.

Корреспонденція.—По Россіи.—Библиографія.—Изъ газетъ и журналовъ.—Судебная практика.

Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства.—Театры и музыка.—О мѣ.—Вольный пѣвецъ. Н. О. О.—Почтовый листъ.—Объявленія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

По гражданскому вѣдомству

18 іюня 1905 г. № 47.

По вѣдомству учреждений Императрицы Маріи.

И назначаетъ причисленный къ министерству путей сообщенія, тит. совѣтъ Чумаринъ почетнымъ членомъ Могилевскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ приютовъ, съ 26 января сего года, съ оставленіемъ причисленнымъ означенному министерству.

(Прав. Вѣст. 1905 г. № 134).

Могилевъ, 28 іюня.

Въ газетѣхъ напечатано извѣстіе, имѣющее огромное значеніе для нашего края.

Какъ сообщается „Слово“, министерство народнаго просвѣщенія, „сочувствуя ходатайствамъ общественныхъ учрежденій объ открытіи университета въ одномъ изъ городовъ Северо-западнаго края“, проектируетъ, въ виду экономическаго кризиса, открытіе, при условіи частныхъ пожертвованій, въ городахъ этого края, только отдѣльных факультетовъ по наукамъ, болѣе отвѣчающимъ требованію мѣста.

Всѣмъ защитникамъ просвѣщенія, живущимъ въ Могилевской губерніи слѣдуетъ теперь ходатайствовать, чтобы въ Могилевѣ были открыты хотя-бы юридическій факультетъ университета, какія общеобразовательныя.

Объ этомъ должны ходатайствовать и наши земскіе гласные и думы городовъ Могилевской губерніи и общественныя организаціи, объ этомъ должно прежде всего подумать вновь призванное къ самостоятельности дворянство Могилевской губерніи.

Надо изыскать средства и частныя пожертвованія на это полезное и необходимое дѣло образованія нашихъ дѣтей.

Сочувствующихъ учрежденію юридическаго факультета университета въ нашемъ городѣ мы просимъ прислать для помѣщенія на страницахъ нашей газеты предположенія и мысли о способѣ скорѣйшаго осуществленія этого дѣла.

КРОШКА-ГЕРОЙ.

(Къ рисунку).

Струнникъ «Варх. Вѣд.» г. О.—яроскій посвящаетъ маленькому герою слѣдующія строки.

„Ему“ 13 лѣтъ!!
Тринадцати лѣтъ поступать въ первый классъ средней школы.

Тринадцати лѣтъ шумно рѣзвится, играетъ въ „лапту“, бѣгаетъ въ „казаки и разбойники“, вообще, тринадцати лѣтъ еще дѣти, чужды жизни, а тѣмъ болѣе ея трагедій, и особенно такой грандіозной и ужасной, какъ война.

А „онъ“ былъ ея участникомъ и скоро будетъ „героемъ“ этой тяжелой манчжурской драмы.

А „онъ“ даже утеръ-офицеръ и „георгіевскій кавалеръ“, но, въ общемъ, тоже еще только „парашутъ“ выдѣлѣнныи и доработанныи.

Его создала война, какъ свой эффектъ и плетъ, создала такъ же, какъ породила слѣшкомъ много дефектовъ и манусовъ.

Николай Антоновъ—маленькій хрупкій робонекъ, съ лицомъ таковаго обыкновеннаго ребенка деревни, въ веснушкахъ, съ свѣтлыми, но уже энергичными глазами.

Николай Антоновъ уроженецъ Псковской губерніи.

— Я изъ-за самого Пскова Тамъ мнѣ пришлось держитъ бузотню. Александръ Максимовичъ его полюбилъ, и онъ будетъ изъ фельдфебелей.

Малышъ не такъ давно пріѣхалъ изъ Манчжуріи на „нобырку“ къ матери, въ Псковъ и теперь, на-дняхъ, снова „туда“ уѣзжаетъ.

Пусть Николай Антоновъ самъ расска

Крошка-герой приутюженіи полка

Николай Антоновъ.

13-ти лѣтъ, былъ онъ японцами въ плѣнъ съ Путиловской сопки, бѣжалъ, былъ раненъ, награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Жестъ свои военныя впечатлѣнія, что—онъ такъ просто и мило сдѣлалъ въ нашей редакціи, какъ будто настоящій, взрослый „солдатикъ“.

— Я, ваше благородіе, служилъ въ кавтонстахъ въ Иркутскомъ полку. Нашъ полкъ стоялъ въ Псковѣ. Только вотъ случилась война.

Ну, пришла бѣда на Россію.

Ничего не подѣлаешь!
Тутъ пошелъ промѣжъ васъ слухъ, что пошелъ нашъ уходить въ Кронштадтъ. Такъ что въ крѣпость.

Ида, значить, я вѣстъ задѣла: потому распускали, слышно, будутъ каютонистовъ. Что тутъ дѣлать? У „меня“ (I) семья большая. Всѣхъ насъ 8 человекъ у отца. Отнимъ такъ и хорошій человекъ, а все-таки заливаюсь, а потому дѣла не очень-то хорошия ведуся.

Ну, значить, домой мнѣ отъѣзъ не годится.

А тутъ все разговоры про войну, да про войну. Задумался это я, да и думаю: уйду на войну. Все предаться могу какъ-нибудь. А и въ книжкахъ и разныи читалъ, что дѣти даже подлоги совершали по войнѣ. Къ правдѣ, Овостополь нашъ.

И такъ это засѣлъ у меня эта мысль, что подумалъ я рѣшительно уѣхать туда.

А что въ полку убѣжать не годится и наказанія могутъ объ этомъ не думать.

Потомъ же читалъ я, а читать очень люблю, что и другіе мальчики бѣжали и даже гимназисты.

Ночь овичать, но спать, но упомню только когда пошелъ я это на псковскій вокзалъ, да кое-какъ ползкомъ да втихомолку въ проѣздъ въ вагонъ, а потомъ попалъ въ въ Потребургу.

А тутъ я узналъ, что солдаты часто отпавляютъ съ николаевскаго вокзала.

Я туда.

Смотрю—„пассажиры“ уходятъ, а въ вой какъ-разъ солдатики бѣгутъ: отстали и догонять должны своихъ. Гляжу—наше командиръ есть.

И къ нимъ: братцы, молъ, не погубите, возьмите съ собой.

Они сибьются, а я прочно усталъ на своемъ, да и не отступаю.

Ну и похвально.

Вду, какъ-будто солдатъ. А солдатамъ льготно бѣжать. Тутъ и гармоника была, и вышивала она, цѣны пѣли. Выйдутъ на остановку, да какъ загудятъ, а я илѣтъ поеду. Имъ весело, в мнѣ тоже.

Только тутъ на мой случай бѣжали съ нами князь Васильчиковъ. Они были губернаторомъ въ Псковѣ, а теперь бѣжали уполномоченнымъ Краснаго Креста.

И замѣтили меня.

Ну, въ вагонъ пригласили къ себѣ да стали разспрашивать: какъ и что.

Я тутъ возмолвилъ къ нимъ, чтобы устроили какъ-нибудь.

Вотъ, князь Васильчиковъ и возмолвилъ къ себѣ, вѣдь какъ-будто санитаръ.

А потомъ, какъ добрался мы до Манчжуріи, я и сталъ проситься въ отаполъ съ войскомъ, чтобы попасть въ дѣйствующую армию.

Князь меня устроилъ: какъ-разъ вѣдомъ былъ тутъ.

Такъ я и въ Мукденъ попалъ.

А здѣсь въ охотничью команду причисленъ, въ Волковскій полкъ. То-есть я отътуда только обѣтъ получалъ.

Днемъ сталъ ходить въ китайской одеждѣ, а ночью въ солдатской. Коня далъ мнѣ.

Начали мы въ разбѣдѣ ходить.

И быстро пріобыкъ, точно родился въ этой странѣ.

Первый разъ, конечно, жутко было. По тому одѣтъ и привычки нѣтъ.

Вотъ, какъ-то разъ у Путиловской сопки были. Пошелъ я это прознать, есть японцы

только сталъ спускаться: гляжу—мнѣ

наше сверху машутъ. А понять не могу что впереди нѣтъ, или назадъ. Я и войми, что впереди.

Потомъ дальше. Пробравшись это межъ говольяна, да промѣжъ дореволь. Вдругъ, гляжу: разбѣдѣ японскій.

Я притаялся, а они меня замѣтили.

Ну, думаю, пропалъ.

Три японца на меня прямо пошли.

Схватили. Допоту что-то не по нашему.

И стою между ними.

Погворили да и пошли со мной. Сибьются, вѣдно, надо мной.

Шли немного.

Приходимъ на полянку. Межъ дореволь фанза стоитъ.

Мы всѣ туда вошли.

Солдаты одинъ вышелъ прежде и офицеру докладываетъ. А офицеръ два было.

Тутъ одинъ ко мнѣ подошелъ, да такъ чисто по русски заговорилъ.

— Гдѣ русскіе сейчасъ стоятъ?

— Не знаю, и отвѣчаю.

Какъ же знаешь, когда ты отътуда пришелъ?

— Заблудился я. Не помню мѣста своего, стою я на своемъ, потому думаю, все единственно надо разстрѣлять нѣтъ назо.

— Ну, смотри,—говоритъ „онъ“,—по строй дурачекъ: плохо будетъ. Ужаси мѣсто твоё, а то разстрѣлять прикажу.

— Воля ваша, отвѣчаю, а только не затѣмъ пришелъ, а просто заблудился.

— А ежели такъ, такъ модисъ Богу: сейчасъ я тебя пракажу разстрѣлять.

Всталъ я тутъ на колѣнки.

Важу что помирать надо.

А я давно ужъ приготовился къ тому.

Стою на колѣнкахъ.

Ужъ молитвы всякакой нѣтъ.

А только все про себя шепчу.

— Господи, какъ спастись мнѣ!

А другой офицеръ хитилъ что-то „ему“ говорить.

И потомъ почему-то по русски.

— Брось ты его, видишь, маленькій. Просто потерялся.

И оставили меня.

Только приказали солдатамъ отвезти въ каморку. Рядомъ было перестроено.

Отвели меня туда. Дверь прикрыли, да не на прючокъ.

И сталъ я тутъ сидѣть.

Вѣтъ и пить давали. Но часто, а все же давали. Рѣсь я чумазу вѣваю.

Такъ, почтѣвъ, я подбѣлъ высидѣлъ. Прустно такъ и къ своимъ страшно хочется. Ожужу и присматриваюсь. Только тутъ мнѣ объявлено вышло, что меня увезутъ въ Иппонію. Три дня сказали, надо подождать.

И такъ это со мной свободно обращаются. Каморку не запираютъ. Часовой отлучается.

И надумалъ я убѣжать.

Было подъ-вечеръ. Дверка моя открыта.

Я высунулъ голову. Вѣжу,—часовой спитъ.

И больше высунулся. Гляжу въ—столѣ что-то чернѣется.

Я выволазъ, да къ столу.

Подерался. Вѣжу, являеверъ да бумага мѣлая.

И я взялъ. Взялъ да назадъ. Запорся въ каморкѣ. Сидѣлъ сапогъ, да документъ подъ подушкой подложилъ, а являеверъ за пазуху.

Въ фанзѣ тихо такъ. Какъ часовой дышать, слышно.

Я опять выглянулъ. Думаю поеду сегодня непременно отъ „вѣтъ“.

Вдругъ, вижу, въ окошко подѣхалъ какой офицеръ. Поставилъ лошадь у фанзы, а самъ пошелъ куда-то въ поле.

А я уже въ дверь, поеду. И на улицу вышѣлъ. Только, думаю, какъ солдатъ проснется, убью его.

Оглядываюсь, онъ спитъ.

И къ коню подошелъ.

Отвѣчалъ, да и вскопѣлъ.

И цуба.

Скачу, сердца не слышу.

Во весь духъ скачу.

Погоны нѣтъ. Не замѣтила.

Потомъ слышу, держу въ „сидѣтъ“, такъ

запомнилъ я, какъ еще въ разбѣдѣ ходилъ.

Вѣрствъ 6 отскакалъ, вдругъ нѣтъ отъскакалъ. Потому, такъ обрадовался, что вырвался отъ „вѣтъ“.

И вдругъ, завадалъ Путиловскую сопку.

Еще лучше я обрадовался и даже „ура“ закричалъ.

Вдругъ, откуда ни возьмись, три японца.

И замѣтили меня.

И такъ это у меня сердце точно упало.

— Господи, думаю, неужели не спастись.

И не знаю, для чего сталъ я стрѣлять.

А они, примѣрно, вероты полторы.

Выпустилъ всѣ заряды, и скачу. Они стрѣляютъ. Я скачу. Только вдругъ, какъ

колышетъ меня въ ногу, а обожгло. Я скачу еще пуще.

Тутъ на сокудѣ наши повзвѣли.

Стрѣлять сталъ я будто по мнѣ. Я махалъ имъ сталъ и „ура“ кричу. А японцы скажутъ наморезать мнѣ.

— Охъ, думаю, пропалъ, совсѣмъ пропалъ.

Тутъ наши ко мнѣ бѣгутъ и по японцамъ стрѣляютъ. А я все ближе къ нимъ.

Оглянулся, а одинъ-то японецъ съ лошади и свалился. Убилъ, значить.

Тутъ бодрости у меня больше. Духъ легче дышется.

И вдругъ, сразу я попалъ въ нашу цѣпь.

И даже съ лошади отъ радости упалъ, да не ушибся. Только но ногъ кровь горячая текла.

Вскочилъ я да урочаю съ товарищамъ.

Солдаты окружили. Офицеръ подошелъ.

Я ему документы отдалъ, лошадь сдѣлалъ.

Онъ меня даже молодцомъ назвалъ.

— Мы тебя генералу Куропаткину представимъ.

Ну, ужъ я не знаю, представляли или нѣтъ, а только когда а въ госпиталѣ лежалъ, такъ офицеры приходили и меня въ утеръ-офицеры прозвали и Георгіевскій крестъ четвертой степени дали. Мой номеръ крестика 105,820.

За хорошую развѣдку, да за тѣ докумен-

ты.

Потомъ я развѣдалъ лось. Простудился.

И былъ тогда отпѣсанъ въ Псковъ. Такъ я и домой къ матери пріѣхалъ.

А теперь поправился, опять поеду.

Ужъ бумаги выправилъ у меня, и съ емошонами а скоро опять уѣду.

— Ну, г. утеръ-офицеръ, а съ затай-чатами ты не играешь?

— Что вы, ваше благородіе, некогда такими пустыми дѣлами заниматься.

